

К. Д. Приёмко, Дж. В. Клегг

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА САМОНАБЛЮДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРВЬЮ

В статье предлагается новый взгляд на интроспекцию, основанный на диалогических и транзакционных традициях Джеймса, Мида, Бахтина и Волошинова. Авторская теория самонаблюдения (конкретно в контексте интервью «лицом к лицу») охватывает понятия о личности и социоидеологическом сознании. В этой модели сознание (или Я), погруженное в бесконечный обмен внутренними и внешними диалогами, постоянно оценивает, согласовывает и преобразует непосредственный опыт в более устойчивые характеристики личности (меня). Эти аспекты *меня* характеризуются в понятии «высказывание» в трех семиотических жанрах: 1) идеологически-аффилятивном, 2) личностно-эмоциональном и 3) соционормативном. Авторы утверждают, что такие жанры пронизывают каждую стадию процесса исследования, начиная с построения вопросов исследования и кончая составлением отчета об исследовательской работе.

Ключевые слова: самонаблюдение, интроспекция, самость (*Self*), *меня* (*me*), Я (*I*), семиотические жанры коммуникации.

Самонаблюдение и его предполагаемое крушение

Взгляды многих американских психологов на историю интроспекции (или самонаблюдения) находятся под влиянием трех представлений: 1) интроспекция была первоначально основным методом психологического исследования, 2) бихевиоризм дискредитировал интроспекционизм, 3) в результате метод интроспекции стал считаться ненаучным. Однако некоторые авторы доказывают, что эти представления ошибочны. В действительности самонаблюдение никогда не было основным методом в психологии и не было полностью забыто наукой (подробнее об этом: Brock, 2013; Clegg, 2013; Costall, 2006, 2013).

Немного подумав, любой психолог сможет убедиться в том, что и сегодня интроспекция продолжает существовать в переименован-

Приёмко Карина Дмитриевна — аспирант Городского университета г. Нью-Йорка (США). *E-mail:* kpryiomka@gradcenter.cuny.edu

Клегг Джошуа В. — доктор философии, доцент Колледжа криминалистической юриспруденции имени Джона Джея Городского университета г. Нью-Йорка (США). *E-mail:* jclegg@jjay.cuny.edu

ном и «переупакованном» виде стандартизированных самоотчетов (Costall, 2006; Young, 2013), экспериментов, структурированных интервью, fMRI-просмотров и других форм психологического исследования. Риторика о гибели интроспекции — это, по существу, попытка избежать обращения к трудным вопросам.

Эти трудные вопросы, однако, не могут быть просто проигнорированы. Дисциплина, которая принимает душу в качестве своего объекта исследования, не может функционировать без сильной традиции самонаблюдения. К сожалению, одним из принципиальных барьеров установления такой традиции является отсутствие адекватных теорий самонаблюдения (Clegg, 2013). Психология нуждается в теориях самонаблюдения, которые помогут ей отвести свой пристальный взгляд от отдельного частного ума (концепта, укорененного в дуалистической теории) и принять за единицу анализа контекстные межличностные отношения, где самоисследование приобретает значение. Сделать такое теоретическое усилие действительно трудно, но необходимо, если мы хотим в полной мере приблизиться к исследованию сознания.

Как утверждал Э. Титченер, «Курс, которому следует наблюдатель, будет детально различным в зависимости от природы наблюдаемого сознания, от цели эксперимента, от инструкции, данной экспериментатором. Интроспекция поэтому является общим обозначением для неопределенно широкой группы особых методических процедур» (Titchener, 1912, p. 485). Если это так, то вместо общей теории нам необходимы модели конкретных контекстов самонаблюдения, т.е. модели, определяющие существенные процессы, которые надо зарегистрировать и интерпретировать, чтобы получить из данных самонаблюдения значимые выводы.

Следующие части этой статьи будут сфокусированы на схемах одной такой модели, а именно модели самонаблюдения в контексте интервью «лицом к лицу». В предлагаемой структуре мы обратимся к понятиям сознания и личности, сосредоточиваясь на присущей им диалогической и транзакционной природе и таким образом избегая двойственности, которая долго досаждала исследованию самонаблюдения. Существенная часть нашей модели будет посвящена использованию языка в интервью, диалогическим и транзакционным процессам, включенным в обмен между исследователем и участником. Мы также сосредоточимся на том, как такие процессы позволяют нам получать устойчивые и значимые выводы из самоотчетов. Здесь важно отметить, что мы не обещаем представить исчерпывающую или полностью адекватную модель; такой результат никогда не может быть достигнут несколькими исследователями. Любая адекватная модель данного контекста самонаблюдения требует обширного сотрудничества и уточнения в сети

исследователей. То, что мы здесь предлагаем, должно быть понято как (мы надеемся) первый поворот к разговору, а не последнее или категорическое слово о предмете.

Предлагаемый теоретический «каркас»

(1) Самость (*Self*) и сознание в интроспекции

Так как ядро исследований по самонаблюдению составляет сознательный опыт, нам важно понять, как в пределах нашего «каркаса» («рамки») представлены сознание и личность. Пытаясь преодолеть дуалистическое понимание предмета самонаблюдения, мы, как и Губерт Херманс (Hermans, 2001), используем работы Уильяма Джеймса (и их толкование Джорджем Гербертом Мидом) и Михаила Бахтина. Мы также интегрируем наработки некоторых теоретиков феноменологии.

Для Джеймса самость (*Self*) многолика, она включает то, что он назвал *Я* (*I*) и *меня* (*me*). *Меня* символизирует часть личности, которую *Я* называет моим. *Меня* может проявляться в одежде, которую каждый носит, в предметах, которые каждому принадлежат, в словах и диалектах, которые каждый использует. Джеймс утверждал, что *меня* — результат того «факта, что определенные *вещи* направляют нас к примитивным и инстинктивным импульсам нашей природы <...>. Эти объекты наших сознательных обращений выступают как исконные элементы *меня*» (James, 1890, p. 319). *Я* представляет поток мысли, который оценивает, превосходит и объединяет физические события, связывая их друг с другом. В этом смысле *Я* — сознательное непосредственное понимание, через которое человек воспринимает каждый день жизни.

Я и *меня*, однако, не дуалистические понятия. Оба находятся в бесконечном диалоге друг с другом, составляя неделимое единство. Согласно Дж. Миду, «*меня* невообразимо без *Я*» (Mead, 1913, p. 374). Он утверждал, что *меня* в некотором смысле является продуктом опыта *Я* в социальной среде. Поскольку *Я* сталкивается с *другими*, которые в свою очередь реагируют на него, *Я* может посредством присвоения этих реакций, выраженных в различных семиотических формах, взглянуть на себя с другой стороны, таким образом становясь объектом своего собственного наблюдения. Эти обращенные внутрь процессы, продвигаемые социальным взаимодействием, позволяют *Я* составлять понимаемые характерные черты для *меня*. Например, Мид утверждал, что «ребенок может думать о своем поведении как хорошем или плохом только через то, как он реагирует на свои собственные действия в запомнившихся словах своих родителей» (ibid., p. 377). В этом смысле осведомленность личности как *меня* возникает от взаимодействий с *другими*, поскольку они

обеспечивают систему взглядов для сознания (или Я). Таким образом, Я и меня — это, по существу, сопоставленные и неотделимые, а не функционально отличные инстанции.

Подобно Дж. Г. Миду М.М. Бахтин представляет сознание как врожденно социальное: «Все, что принадлежит мне, включено в мое сознание, начиная от моего имени, от внешнего мира до уст других (моей матери, и т.д.) с их интонацией и эмоциональной ценностью. Я осознаю себя первоначально посредством других: от них я перенимаю слова, формы и тональность для формирования первоначальной идеи о себе... Так же, как тело сформировано первоначально в утробе матери (теле), так и сознание человека просыпается погруженным в чье-либо сознание» (Bakhtin, 1986, p. 138). Для Бахтина, как и для Мида, сознание, или Я, исследует, оценивает, усваивает и приспособливает отдельные семиотические события, создавая (замысливая) более устойчивые особенности личности как отраженные во мне (*me*).

В.Н. Волошинов конкретизирует это социальное и транзакционное понятие сознания путем локализации сознания в знаке: «Сознание само может возникнуть и стать жизнеспособным фактом только в материальном воплощении знаков» (Voloshinov, 1973, p. 11), и далее подчеркивает, что знаки — это не только структурные единицы сознания, но также и продукты взаимодействия внутри социальных групп и между ними: «Сознание обретает форму и находится в материале знаков, созданных организованной группой в процессе социального общения. Отдельное сознание воспитано на знаках; его рост происходит благодаря им (знакам); это отражает их логику и законы. Логика сознания — логика идеологической коммуникации, семиотического взаимодействия социальной группы» (ibid., p. 13). Согласно Волошину, в дополнение к наличию социального фактора сознание является также идеологическим, поскольку оно не только олицетворяет отдельные знаки своей социальной группы, но и отражает идеологические ценности группы.

Эта транзакционная концепция сознания требует, чтобы мы поместили диалог в центр любого анализа сознания. Диалог, понимаемый как семиотический обмен, является необходимым условием для отдельных знаков, сформированных в идеи, для того чтобы иметь значение и таким образом составить архитектуру сознания. Согласно Волошину, «знаки могут возникнуть только на межличностной территории» (ibid., p. 12). Для Бахтина диалогические взаимоотношения «пронизывают всю человеческую речь, все отношения и проявления человеческой жизни и в целом все, что имеет значение и важность» (Bakhtin, 1973, p. 34). Уточняя эти идеи, Дж. Сальгадо и Дж. Клегг пишут: «Для того чтобы иметь значение, каждый знак подразумевает социальную артикуляцию, по край-

ней мере, между двумя различными представителями социума» (Salgado, Clegg, 2011, p. 423). Другими словами, знаки возникают посредством общей диалогической коммуникации, а осознанные переживания приобретают смысл как созданные из, через и внутри этих знаков.

В пределах такой диалогической структуры самонаблюдения любой «допрос» сознания — это всего лишь иная семиотическая коммуникация. Дж. Мид писал, что «...механизм интроспекции дан в социальной установке, которую человек обязательно применяет по отношению к себе, и механизм мысли, даже мышления, использующего символы, которые необходимы в социальном общении, является всего лишь внутренней беседой» (Mead, 1913, p. 377). Согласно Миду, интроспекция подразумевает чье-либо сознание, общающееся с самим собой (через внутренний диалог), объединяя перспективу другого (перспективы других) с целью понимания себя. Фактически и Б. Вагонер утверждал, что «интроспекция подразумевает включение другого в личность» (Wagoner, 2013, p. 92—93), так что «акт самонаблюдения является по существу социальным процессом» (ibid., p. 84).

Если мы согласны с пониманием сознания, в котором исследуемое *Я* составляет динамическое *меня* через и из диалогической архитектуры знаков, то процесс самонаблюдения будет всегда структурироваться вокруг герменевтики непрерывно разворачивающегося диалога. Как часть контекста какого-либо интервью самонаблюдение представляет уникальное столкновение многочисленных диалогов, запущенных в ход исследователем и участником. Такие диалоги могут быть упорядочены в потенциально бесконечное множество таксономий, но мы обнаружили, что понятие Бахтина «жанры» может плодотворно упростить эту сложность. В дальнейшем мы обрисует в общих чертах наше использование понятия «жанры», чтобы охарактеризовать диалогические репертуары, вовлеченные в интервью, и затем использовать эти «семиотические жанры» (так мы их обозначили) для изложения существенных направлений, предназначенных для получения выводов из самонаблюдения в контексте интервью.

(2) Семиотические жанры

Понятие Бахтина о *речевых жанрах* мы использовали как инструмент для многоуровневой интерпретации высказываний. Высказывание — это основная семиотическая форма в диалоге, которая выражает смысл сказанного, «отражает свой исторический и социальный контекст» (Gillespie, Cornish, 2009, p. 34) и служит воплощением социальной среды. Кроме того, высказывание сложно

и трудно достоверно интерпретировать, так как число подразумеваемых значений почти всегда превышает число явных значений. Действительно, явные лексические и синтаксические значения высказывания в целом менее интересны, чем усвоенные смыслы слов и высказываний, т.е. приобретенные благодаря опыту общения с другими. Такие значения не являются очевидными и, таким образом, высказывания нужно воспринимать как комплекс подразумеваемых значений.

Чтобы упорядочить эту невероятную сложность, мы переняли понятие Бахтина «жанр». Бахтин утверждал, что «каждое отдельное выражение, конечно, индивидуально, но каждая сфера, в которой употребляется язык, развивает свои собственные *относительно устойчивые типы выражений*» (Bakhtin, 1986, p. 60). Другими словами, поскольку люди социализируются в конкретных группах, они развивают стандартную форму коммуникации, характеризующуюся определенными выражениями. Эти жанры весьма гетерогенны (ibid.), они имеют отношение к социальным, политическим, образовательным, медицинским и другим сферам коммуникации и к жизни в целом.

Чтобы понять роль этих жанров в пределах нашего концептуального каркаса, мы предлагаем подумать о них с точки зрения описанной ранее диалогической модели личности. Поскольку *речевые жанры* представляют более устойчивые части языка или использования знака, они представляют что-то, что *Я* может назвать «моим». Таким образом, они — элементы *меня*. В этом смысле *Я* — выражение, тогда как *меня* — более устойчивая форма, из которой построено выражение. С этой точки зрения исследователь в контексте интервью изучает форму выражения *меня* участника, а не его *Я*. Опыт любого *другого* усваивается через его выражение; иными словами, чтобы быть выраженным, *Я* должно принять семиотическую форму *меня*. Дж. Мид заметил об этом: «“Я” является предположением, но никогда не презентацией сознательного опыта, так как в момент презентации оно принимает объективную форму, предполагая, что “Я” — это то, что наблюдает, но “Я” может раскрыть себя, только перестав быть субъектом, для которого “меня” является объектом наблюдения» (Mead, 1913, p. 374). Таким образом, *Я* испытывается непосредственно лишь самим участником, тогда как *меня* испытывается другими через речь и иные формы коммуникации.

Эта концепция жанров также укрепляет динамическую, но все же относительно устойчивую природу *меня*. *Меня* постоянно согласовывается с символическими действиями, но некоторые элементы *меня* остаются теми же (или только немного изменившимися). Эти относительно устойчивые формы значения, которые мы здесь на-

зывается жанрами, могут быть объяснены и поданы как основные эвристические инструменты для интерпретации значений любой коммуникации.

Понятие Бахтина о речевых жанрах позволяет нам лучше организовывать процесс анализа материалов интервью участников и выявления основных положений. Также важны жесты, тон, темп, дикция, физическая среда и другие невербальные элементы коммуникации. Поэтому мы заменили весьма специфический языковой модификатор Бахтина «речь» более общим — «семиотика». Мы используем слово «семиотика» для подтверждения того, что невербальные элементы коммуникаций в интервью так же важны для определения смысла высказываний, как и их языковая составляющая. Таким образом, мы рассматриваем интервью как взаимодействие семиотических жанров.

Семиотические жанры (в нашем понимании) — это скорее герменевтические, а не буквальные понятия, т.е. мы воспринимаем их скорее как интерпретирующие эвристики, чем как онтологически независимые сущности. Мы уделили значительное внимание видам семиотических жанров, которые характеризуют контекст интервью, и решили, что трех основных, главенствующих жанров будет достаточно, чтобы в общих чертах дать определения (хотя, конечно, не исчерпывающие значение) выражениям исследователя и участника. Эти семиотические жанры: 1) идеологически-аффилятивный; 2) личностно-эмоциональный; 3) социально-нормативный. Важно отметить, что все три жанра являются диалогическими по своей сути, каким бы ни был этот диалог — внешним (устным) или внутренним.

Идеологически-аффилятивный жанр. Идеологически-аффилятивный жанр охватывает диалоги, относящиеся к общественной сфере и социальному положению участника. Этот жанр характеризует высказывания на тему политических убеждений, религиозных верований, личных предпочтений (например, в музыке, кино или выборе книг для чтения). Он также может охватывать рассуждения, характерные для профессиональной среды человека и представленные главным образом в форме специфического жаргона. Мы могли бы классифицировать внутри этого жанра речь участника, весьма обобщенную или четко связанную с частным видом общественной беседы (например, дебаты, консилиумы, политическое красноречие и т.д.). Следовательно, идеологически-аффилятивный жанр может быть разделен на поджанры — профессиональный, политический или религиозный.

Стоит отметить, что каждый из жанров, которые мы обозначили здесь, представлен и как содержание, и как процесс использования

языка. Например, тенденция участника противоречить своему собеседнику, использовать статистические данные в разговоре или перефразировать произнесенное другими может сказать нам о его идеологически-аффилятивном репертуаре так же много, как и его язык.

Личностно-эмоциональный жанр. Лично-эмоциональный жанр представляет произнесение, связанное с обычно невысказанным эмоциональным переживанием. Такое произнесение вообще принимает форму «Я говорю» (рассказ от первого лица) и обнаруживает очень личный опыт. Произнесение в пределах этого жанра могло бы пролить свет на взаимоотношения с семьей, друзьями или другими значимыми людьми или группами, на особенные, личные и местные нормы и традиции, включенные в такой разговор. Например, много семей используют слова или фразы, значение которых известно только членам этой семьи (прозвища или значимые события). Личностно-эмоциональный жанр может включать такие поджанры, как дружеский разговор или ностальгическое воспоминание.

Социально-нормативный жанр. Социально-нормативный жанр охватывает общие коммуникационные нормы и другие социальные конвенциональные формы, более или менее устойчивые в пределах определенного общества. Например, неуместность обсуждения семейных ссор с незнакомцами, прерывания спикера посередине предложения или повествование лишь о себе. Такие конвенции, конечно, непрерывно пересматриваются, поскольку собеседники из различных обществ (социальных групп) устанавливают свои собственные отдельные жанры и нормы. Потенциальное множество семиотических действий, классифицированное в пределах этого жанра, огромно, но может включать поджанры, связанные с изменением разговора, структурированием речи, соответствующим развитием больших культурных и исторических дискурсов или голосовой интонации.

Следует прояснить, что любой из описанных жанров будет иметь некоторые социальные и нормативные компоненты (например, нормы того, как профессионалы преподносят себя на работе и как семьи ведут себя во время обеда). Но социально-нормативный жанр предназначен для охвата более общих форм речи, относящихся к разговорным нормам вообще, а не к специфическим нормам любого общественного или личного семиотического поджанра (например, разговор адвоката или частный семейный разговор). Однако важно понять, что эти жанры не предназначены быть ортодоксальными категориями. Природа этих категорий делает

их границы подвижными и никоим образом не взаимоисключающими. Таким образом, каждый жанр и его возможные поджанры следует рассматривать как многослойные элементы для более глубокого и всестороннего анализа интервью. Например, определенные разговорные формы, используемые экспертными советами организаций, могут быть лучше всего поняты как наслоение профессиональных и общих социально-нормативных жанров. Сила этой структуры — в синтезе этих жанров; иерархическое представление этих жанров учитывает более богатое представление индивидуальной «сети межсубъектных отношений» (Gillespie, Cornish, 2009, p. 38). Как точно эти жанры взаимодействуют друг с другом, мы рассмотрим далее.

(3) Диалогические направления в интервью

В предыдущих частях статьи мы описали в общих чертах главные критические аргументы и неверные представления о самонаблюдении, касающиеся валидности данного исследовательского метода. Мы обратились к этим неправильным представлениям посредством теоретической структуры, заложенной в работах У. Джеймса, М.М. Бахтина, В.Н. Волошинова и других. Ссылаясь на этих авторов, мы дали обозначение самости (личности) как воплощения знаков, некоторые из которых носят сиюминутный характер для *Я*, другие же становятся постоянной составляющей *меня*. Эти знаки, обычно проявляющиеся в речевых выражениях, служат точками взаимодействия человека с сознательными событиями других людей.

Однако выражения имеют небольшую ценность для аналитических выводов, поскольку они контекстно-зависимы и имеют многочисленные значения. Таким образом, в качестве «гида» для процесса выведения логических следствий мы приняли концепцию Бахтина о речевых жанрах, переосмысленных как семиотические жанры. Мы идентифицировали три обширных семиотических жанра, которые существуют в постоянном взаимодействии друг с другом, и в этом разделе статьи планируем рассмотреть их взаимодействие (в пределах интервью) вместе с сериями диалогических направлений (этапов): 1) формулирование исследовательского вопроса; 2) договоренность об участии; 3) начало вопросов интервью; 4) промежуточное повествование участника; 5) подготовка аналитических материалов. На каждом из этих этапов многократные диалоги — внутренние и внешние, прошлые и настоящие — развернуты и могут быть выражены с точки зрения различных семиотических жанров. Мы утверждаем, что диалогический анализ этих этапов позволяет исследователям не только охватить описание

опыта участника, но и, что еще более важно, обеспечить контекст, необходимый для получения значимых выводов из таких описаний. Этот аналитический контекст, который мы опишем ниже, намного шире того, который типичен для большинства исследовательских отчетов; сюда мы относим не только выражение участника, но и всю последующую (т.е. функционально связанную) диалогическую структуру, в пределах которой это выражение создается и интерпретируется. Мы делаем так, потому что диалогическая структура определяет характер и границы любых выводов, которые нам нужны для обрисовки исследовательских данных и должны также быть зарегистрированы.

Формулирование исследовательского вопроса. Когда исследователь формулирует исследовательский вопрос, он вовлечен и во внутренние, и во внешние диалоги. Он заказывает профессиональную литературу, разговаривает со своими коллегами, консультируется с различными информационными источниками; и все это протекает во внутренних и внешних диалогах. Все эти диалоги, главным образом классифицированные как идеологически-аффилиционные (и, возможно, в пределах «профессионального» поджанра), структурированы особыми риторическими, методологическими и структурными формами. Конечно, многие из этих форм социально-нормативные. Некоторые из этих норм (например, анализ затрат-выгод) представляют профессиональную этику; они явно прописаны в кодексах *IRB (Internal Review Board* — внутриуниверситетская этическая комиссия) и неукоснительно внедрены в жизнь научно-исследовательскими институтами. Иные нормы, такие как коллегиальность или честность, представляют более общие социальные нормы; они являются производными общей социальной среды, к которой принадлежат и участник и исследователь.

Лично-эмоциональные формы также формируют исследовательский вопрос. Например, собственный, полученный из первых рук опыт может обеспечить наблюдение или подобающее понимание исследования. Киплинг Уильямс (Williams, 2007) описывает один такой пример. Играя во фрисби в парке с двумя друзьями, Уильямс был внезапно исключен из игры. Его раздумья об этом опыте привели к написанию программы исследования остракизма, которая определила область и породила сотни исследовательских статей. Таким образом, понятно, что развитие исследовательских вопросов в огромной степени зависит от самонаблюдения, как и любая интроспективная практика по сбору данных. Исследовательские вопросы представлены посредством коммуникации с другими, проанализированы благодаря самоотражению и воплощены в выражениях исследователя.

Договоренность (соглашение) об участии. В профессиональной исследовательской литературе договоренность об участии редко обсуждается подробно. В лучшем случае дается краткое упоминание в три предложения, заверяющее читателей, что участие было добровольным и участники получили некую компенсацию за свое потраченное время. Такие описания главным образом демонстрируют подчинение профессиональным нормам, прописанным в исследовательском отчете, и являются смешением социально-нормативного и профессионального жанров.

Конечно, существует большое количество диалогических соглашений, составляющих эту фазу исследования. Например, элемент данных договоренностей мог бы включать личные причины для участия в исследовании; участник мог бы быть лично затронут предметом исследования или мог бы желать приобрести исследовательский опыт. Эти личные побуждения могли бы, следовательно, задать тон интервью и проявиться в высказываниях участника или в его стремлении к участию. С другой стороны, участие в интервью может быть условно-добровольным (например, для студентов психологических факультетов США участие в исследованиях их профессоров является частью учебного процесса). В этом случае результаты могут отразить их (участников) незаинтересованность и нежелание участвовать.

Начало вопросов интервью. По-видимому, большинство интервью начинается с несколько неофициального взаимодействия (обычно обсуждаются форма согласия на участие или основные правила интервью). В это время исследователь и участник начинают устанавливать частный семиотический жанр (или жанры), на который влияют профессиональная подготовка исследователя, понимание обеими сторонами норм общения, а также их общие ожидания относительно исследования. В этой фазе интервью *меня*, принадлежащие исследователю и участнику, несколько неустойчивы, они адаптируются к требованиям ситуации и ожидаемым межличностным интеракциям.

Такая нестабильность предоставляет возможность исследователю и участнику реструктурировать их дискурсивную идентичность и таким образом установить совместный семиотический жанр. При первом же общении исследователь и участник становятся частями жизненного опыта друг друга. Этот факт влияет на их общение — они начинают говорить на языке, который считают адекватным для собеседника: «Каждый использует слова, которые, как он естественным образом чувствует, следует сказать, и выражает их в том стиле, который кажется ему соответственным» (Cresswell, Teucher,

2011, p. 110). Таким образом, в самом начале интервью участник и исследователь перестраивают и согласуют свои *меня*.

Как правило, этот процесс согласования воспринимается исследователями как причина недостоверности полученного материала (например, фиксированные установки участника — Clegg, 2013). Однако представленная ранее диалогическая теория рассматривает этот процесс с точки зрения получения ценных аналитических данных. В некотором смысле совместный семиотический жанр, созданный двумя участниками интервью, гарантирует более глубокую интерпретацию других жанров, так как он помогает исследователю и участнику на одном семиотическом уровне, когда они используют сопоставимые слова, фразы или другие формы общения.

Посредническое повествование участника. За начальной стадией следует переход к «сбору данных» посредством специальных вопросов и ответов. В идеале исследователь задаст подходящий вопрос, а участник предоставит обширный повествующий ответ, который, возможно, будет лучше понят благодаря дополнительным вопросам. Эта фаза интервью представляет взаимодействие всех трех семиотических жанров, которые мы определили. Эти специфические жанры для участника являются самыми существенными на данном этапе. Наиболее важные диалогические процессы, вовлеченные в эту стадию, включают осознание, описание и извлечение выводов из полученного опыта.

Одно из наиболее распространенных критических замечаний к интроспекции связано с процессом запоминания. Лимитированность человеческой памяти была научно доказана в ряде исследовательских программ (см., напр., исследование ложной памяти С. Кеннета — Kenneth, 1996). Результаты проведенных исследований убедительны, но все они основаны на презумпции существования лишь одного верного способа запомнить и описать полученный опыт. Однако в большинстве исследований, основанных на интервью, исследователь выясняет, какое значение имеет для участника полученный опыт или воспоминания. С диалогической точки зрения нет большого смысла в представлении воспоминаний как независимых и статических объектов, которые могут быть «истинными» или «ложными» представлениями такого же статического и независимого прошлого. Диалогический анализ никогда не станет рассматривать воспоминания как статические, а всегда будет относиться к ним как к динамическим, межличностным, дискурсивным процессам, лежащим в основе описания любого полученного опыта.

Наша диалогическая модель интервью представляет запоминание как дискурсивное и относительное. Запоминание состоит из

сбора части динамического, текучего сознательного опыта, временно установленного в описательном языке. Однако, как утверждал Джеймс, «знание некоторой другой части потока (сознания) — прошлой или будущей, ближайшей или отдаленной — всегда смешивается со знанием о вещах и событиях, которые есть в настоящем времени (James, 1890, р. 606). Таким образом, прошлое всегда исследуется через призму контекста, в котором оно припоминается. Такой контекст и знание в свою очередь определены и условиями окружающей среды, и социально-бытовыми условиями, такими, как время дня, осознание других подобных событий и восприятие людей, к которым прошлый опыт относится. Поэтому воспоминания — это продукты социальных сред. Они являются комбинациями вещей, непосредственно исследованных *Я* и присоединенных к *меня*. Таким образом, сообщение памяти не так уж «ненадежно», оно непрерывно пересматривается в течение долгого времени и в отношении различных контекстов запоминания.

Другой важный аспект этой стадии процесса интервью — конкретное повествование участника. На этой стадии семиотические жанры наиболее существенны. Они представлены в тоне голоса участника, в словах, которые он выбирает для описания своего опыта, в диалоговых паузах и потенциальной аудитории, к которой участник косвенно обращается. Все эти элементы его повествования, большей частью свойства *меня*, проливают свет на значение его сознательного опыта и на окружающую среду, которая их продуцирует.

Однако поскольку в контексте интервью *Я* участника вступает в контакт с исследователем, оно продолжает вести согласование этих значений, иногда изменяя их. Например, Л. Филипс (Phillips, 2000), исследовавшая сексуальный опыт женщин, подробно описывает случай, когда одна из участниц переосмыслила свой неприятный сексуальный опыт как насилие только после проведенного с ней интервью. Другими словами, как только ее личностно-эмоциональный жанр вошел в контакт с профессиональными и идеологическими жанрами, используемыми Л. Филипс (выраженными в вопросах об интервью), природа ее опыта была реструктурирована.

Подготовка аналитических материалов. Заключительный диалогический поворот в процессе интервью возникает тогда, когда исследователь начинает анализировать и интерпретировать собранные данные об интервью и описывать свои интерпретации в отчете о научно-исследовательской работе. Являясь единичным и частным, этот процесс представляет собой еще одно столкновение многочисленных диалогов и семиотических жанров. Первоначально профессиональные и личные диалоги, сформированные теорети-

ческими вопросами, направляют исследователя к анализу данных. Форма самого анализа в целом также структурирована эпистемологическими и методологическими диалогами, присущими той или иной научной дисциплине.

Однако в отличие от этапа разработки вопроса создание исследовательского описания также характеризуется распространенностью совместного семиотического жанра, образовавшегося между исследователем и участником. Этот новый жанр входит в контакт с другими жанрами и таким образом изменяет анализ. Как отмечено ранее, в течение интервью исследователь и участник устанавливают общий способ для идентификации условий и нормативных кодов поведения, которые характеризуют их совместный семиотический жанр. В этом смысле участник становится частью *меня* исследователя. Эта интернализация позволяет исследователю выявить скрытые, личностные значения выражений участника, которые остались бы скрытыми для сугубо монологичной исследовательской работы. Понятая таким образом «субъективность» процесса интервью, взаимопроникновение исследователя и мнений участников становятся обязательным основанием для интерпретации.

Заключение

Рассматривая эту теоретическую структуру как единое целое, мы утверждаем, что изучение самонаблюдения в контексте интервью выявляет столкновение многочисленных диалогов, представленных здесь с точки зрения трех широких семиотических жанров, согласованных благодаря различным стадиям (или диалогическим поворотам) процесса исследования. Взаимодействие этих жанров заполняет каждую фазу исследовательского процесса, начиная с составления вопроса и кончая созданием отчета об исследовании. Такие жанры, наложенные друг на друга в процессе анализа, позволяют учитывать детали в транзакционном анализе опыта сознания. Данная модель также подчеркивает динамическую и согласованную природу коммуникации, которая воплощена и в нашем сознании, и в знании, которое мы получаем из исследования.

Мы надеемся, что это расширенное обсуждение самонаблюдения в контексте интервью поможет исследователям усовершенствовать методы документирования и анализа, необходимые для извлечения более глубоких выводов из их интервью. Эта работа кажется нам необходимой в связи с очевидной ограниченностью позиции отвержения многих форм самонаблюдения в психологии. Однако, несмотря на распространенность искаженных представлений о самонаблюдении в истории нашей науки, этот метод остается одним из наиболее широко используемых в психологических исследова-

ниях. Его использование скрыто во многих методах самоотчета. К сожалению, обсуждая эти методы, исследователи склонны не только отрицать их интроспективный характер, но и эгоцентрически заявлять об объективности исследователя и невежестве, недобросовестности участников. Результатом такой объективистской риторики являются монологичные и часто «мертвые» (т.е. бездушные) отчеты об исследовательской работе.

Преимущество предложенной теоретической структуры в том, что она избегает дуалистических предположений, которые долго заплывали нашу дисциплину, и позволяет нам извлекать выводы из более полного транзакционного и диалогического контекста, в котором представлены данные самонаблюдения. Эта структура предпочтительнее также тем, что она предоставляет методы для упрощения огромной сложности сознания, не являясь при этом еще одной формой редукционизма. Мы попытались создать теоретические и методологические инструменты, которые выражают свой условный и эвристический характер и таким образом позволяют нам одновременно создавать и деконструировать наши собственные аналитические методы и взгляды. Такие построения и деконструкции необходимы для любого исследования самонаблюдения. Во-первых, потому что сознание слишком радикально и разнообразно, и его невозможно изучать, не имея адекватного теоретического фундамента; во-вторых, потому что наше знание и понимание друг друга не могут быть истинными, если их рассматривать как бесспорное и статическое текстовое (вербальное) представление. Такие представления должны быть разрушены прямо в момент их производства, потому что, как красноречиво утверждал Бахтин: «Сознание других (людей) не может быть рассмотрено, проанализировано и определено как объекты или вещи — мы должны относиться к ним диалогическим образом. Думать о них означает разговаривать с ними; иначе они немедленно разворачиваются к нам своей объективизированной стороной; они затихают, холодеют и прячутся за свои завершённые объективизированные изображения» (Bakhtin, 1973, p. 56). Изучение сознания другого человека возможно только в диалоге с ним. Наша модель предназначена именно для выявления реальных психологических значений, которые обитают в человеческой беседе.

Авторизованный перевод с английского А.П. Ефименко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bakhtin, M.M. (1973). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. (R.W. Rotsel, Trans). Ann Arbor, Michigan: Ardis.

Bakhtin, M.M. (1986) (trans. Vern W. McGee). In C. Emerson & M. Holquist (eds.) *Speech genres and other late essays*. Austin: University of Texas Press.

Brock, A. (2013). The history of introspection revisited. In J. W. Clegg (Ed.) *Self-observation in the social sciences* (pp. 25-43). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Clegg, J.W. (2013). Developing an adequate theory of self-observation. In J.W. Clegg (Ed.) *Self-observation in the social sciences* (pp. 3-21). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Costall, A. (2006). 'Introspectionism' and the mythical origins of scientific psychology. *Consciousness and Cognition*, 15, 634-654.

Costall, A. (2013). Introspection and the myth of methodological behaviorism. In J. W. Clegg (Ed.) *Self-observation in the social sciences* (pp. 67-80). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Cresswell, J. & Teucher, U. (2011). The body and language: M. M. Bakhtin on ontogenetic development. *New Ideas in Psychology*, 29, 106-118.

Gillespie, A. & Cornish, F. (2009). Intersubjectivity: Toward a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 40 (1), 19-46.

Hermans, H. (2001). The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture & Psychology*, 7 (3), 243-281. doi: 10.1177/1354067x0173001

James, W. (1890). *Principles of psychology* (v.1). New York: Henry Holt.

Kenneth, S.P. (1996). Memory, abuse, and science: Questioning claims about the false memory syndrome. *American Psychology*, 51 (9), 957-974. doi: 10.1037/0003-066x.51.9.957

Mead, G.H. (1913). The social self. *Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, 10, 374-380.

Phillips, L.M. (2000). *Flirting with danger: Young women's reflections on sexuality and domination*. New York, New York: New York University Press.

Salgado, J. & Clegg, J.W. (2011). Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology. *Culture & Psychology*, 17 (4), 421-440.

Titchener, E.B. (1912). The schema of introspection. *American Journal of Psychology*, 23, 485-508.

Voloshinov, V.N. (1973). *Marxism and the philosophy of language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wagoner, B. (2013). Language in self-observation. In J. W. Clegg (Ed.) *Self-observation in the social sciences* (pp. 45-65). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Williams, K.D. (2007). Ostracism: The kiss of social death. *Social and Personality Psychology Compass*, 1 (1), 236-247. doi: 10.1111/j.1751-9004.2007.00004.x

Young, J.L. (2013). A brief history of self-report in American psychology. In J.W. Clegg (Ed.) *Self-observation in the social sciences* (pp. 45-65). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Поступила в редакцию

26.02.15

A THEORETICAL FRAMEWORK FOR SELF-OBSERVATION IN AN INTERVIEW CONTEXT

*Karyna Pryiomka*¹, *Joshua W. Clegg*²

¹ *MA Graduate Center, CUNY, New York, USA*

² *John Jay College of Criminal Justice, CUNY, New York, USA*

Abstract. The current paper proposes a new theory of self-observation in the context of face-to-face interview grounded in the dialogical and transactional theories of W. James, G.H. Mead, M. Bakhtin, and V. Voloshinov. The authors have embraced their dialogical and continuous notions of self and socio-ideological consciousness. In this model, consciousness (or *I*) is submerged in an infinite interchange of internal and external dialogues, constantly evaluating, negotiating, and internalizing immediate experiences into more stable characteristics of self (the *me*). We have characterized these aspects of the *me* in terms of utterances, broadly organized into three semiotic genres: 1) ideological-affiliative, 2) personal-affective, and 3) socio-normative. The authors argue that such genres permeate every stage of the research process, beginning with research questions and culminating in the construction of a research report.

Key words: self-observation, introspection, Self (*Self*), me (*me*), I (*I*), semiotic communication genres.